

Глава 5

Люди

ЭГОИСТИЧНЫ,

а не

щедрьы

Достоинство и порочность

Библейское понимание людей требует от нас учитывать два центральных элемента человеческой личности. Один из них воодушевляет, но легок на злоупотребления, другой же безобразен и уныл, однако, будучи должным образом ненавидим, способен дать повод к неповторимой радости. Эти два элемента — *достоинство и порочность*.

Как творения, несущие на себе образ Бога, мы обладаем уникальным достоинством. Его невозможно уничтожить, а потому оно либо раскроет всю красоту свою на небесах, либо вечно будет мучить людей в аду, напоминая об утраченных возможностях. Достоинство нашей индивидуальности (отпечатки моей души так же уникальны, как и отпечатки моих пальцев) отражает творческий гений Бога. Оно открывает не что из Его характера, определяя в каждом из нас личность, которая, невзирая на свою испорченность, может быть восстановлена и утверждена через близкие взаимоотношения с Христом.

Второй элемент, часто за-
тмеваемый битвой за восста-
новление нашего достоинства,
невýразимо уродлив. Быть по-
рочным — это нечто, намного
превосходящее тот факт, что
мы иногда поступаем плохо.
За нашими решениями, вклю-
чая хорошие, стоит сила эгоис-
тических побуждений, которые
маскируются под побуждения
здравые (или, по крайней ме-
ре, оправданные) и потому
убеждают других одобрить их.

Как грешные, падшие мужчины и женщины с глубоким отпечатком внутри нас той фатальной ошибки, которая была совершена в Эдеме, мы поддаемся такому образу мышления, при котором счастье и эгоизм совместимы, и, более того, — первое произрастает из второго.

Мы — удивительно неповторимые личности и способны на близкие отношения с Богом, благодаря которым можем чувствовать себя особо дорогими для Него. Кроме того, мы сильно обмануты нашим эгоцентричным подходом к жизни, согласно

которому не существует более высокой цели, чем обретение себя. Мы и достойны, и порочны.

Оба элемента необходимо понимать и правильно обращаться с ними. Мы должны точно установить, в чем состоит наше достоинство и раскрыть его с тем, чтобы оно стало источником радости как для Бога, так и для окружающих людей.

В то же время мы должны постоянно отвращаться от нашей порочности, испытывая глубокую скорбь от причиняемого ею вреда. Имея дело лишь с достоинством, но не с порочностью, мы испытываем в результате мимолетный восторг от осознания себя как бы заново ожившими, но завершится все горьким одиночеством. Наш Господь предупредил о том, что жизнь ускользнет сквозь наши пальцы, если мы схватим ее слишком крепко. Если же мы допустим противоположную ошибку и попытаемся справиться с порочностью, не обладая достоинством, то будем склоняться к чопорному законничеству, выисывая радость которого заключена в самовольной изоляции от всех, кто кажется менее праведным.

Дабы избежать обеих ошибок, мы должны лучше осознать и свое достоинство, и свою порочность, пытаясь увидеть их как взаимосвязанные элементы внутри нас. Это не две части, которые по отдельности могут быть предметом отстраненного научного исследования. Скорее, это два слова, которые описывают глубину нашей сущности как целостных личностей. Мы замечательны и ужасны одновременно — маленькие боги и маленькие дьяволы, каждое побуждение которых (в лучшем случае) — это смесь добродетели и порока. В нас все еще есть остатки изначальной славы, но признаки разложения видны повсюду.

Когда мы неверно понимаем каждый из этих элементов или ошибочно возвышаем один над другим, то теряем всякую надежду установить действительно близкие отношения. А без надежды выхода из изоляции, без хороших отношений хотя бы с одним существом на свете, вообще не стоит и жить.

Крайность самопроявления

Давайте вместе сосредоточим внимание на той трагедии, которая происходит, когда у нас развивается неравноценное представление об этих двух элементах. Нежелание подумывать о загадках нашего достоинства как существ, ориентированных на отношения, удерживает нас на безопасном расстоянии от глубин жажды любви и боли разочарований.

Вместо того, чтобы горевать, мы можем рассматривать жизнь как возможность поступать правильно. Затем составим подробный список того, что можем делать, и будем чувствовать себя хорошо, делая все это, независимо от того, доставляем ли мы кому-то радость или нет. Отрицание своей жажды близости и сосредоточение на достижимых стандартах чистоты дает нам самоправедное, временами гадкое чувство превосходства над людьми, которые нашим требованиям не соответствуют.

Гораздо удобнее мыслить в рамках поверхностных нравственных понятий, чем глубокими категориями отношений. Отчасти потому, что так нам легче забыть о том, что люди, даже вопиюще греховные, сильно ранены. Вместо того, чтобы согласиться с неодолимой скорбью жизни и постараться найти способ выжить, моралисты находят укрытие в увещаниях и призывах к ответственности — простых структурах, позволяющих справляться с жизнью, разложив все по полочкам.

Когда подход к жизни направляем силой морализма, из нашего сердца скорее и легче исходит осуждение, чем сострадание. Сосредоточение на порочности без соответствующего акцента на достоинство приводит к манипулированию пониманием греха, что превращает нас в брюзжащих, сеющих распри фарисеев, предпочитающих спор диалогу, защищенность от ошибок — радости в истине, и чистоту изолированности — трудностям общения.

Крайность самореализации

Вторая ошибка отнюдь не лучше. Если мы уделяем больше внимания своему достоинству, заботясь более о потере самоуважения, чем праведности, то наши эгоистичные модели общения отходят на второй план. И, за исключением нескольких крикливых голосов в христианском мире, которые ошибочно принимают свое резкое мнение за пророческую принципиальность, в этом направлении движется вся наша культура.

Похоже, мы гораздо более заинтересованы в восстановлении хорошего мнения о себе, чем в том, чтобы узнать о тревожных глубинах нашего намерения сделать все, что угодно для облегчения личной боли. Когда дисбаланс склоняется в эту сторону, мы начинаем воспринимать наше благосостояние как наивысшую ценность. Затем мы начинаем почитать эту ценность в недружелюбном мире. Всепоглощающая страсть, с которой мы преследуем цель наладить свою жизнь, мешает нам увидеть абсолютную невыполнимость этой задачи. Мы не замечаем ни избежного одиночества, которое приходит в результате погони за целью, которая больше никому не нужна, ни явного уродства усиленной заботы о себе, как ни о ком другом. Не признавая ни своего конечного одиночества, ни отвратительного эгоизма, мы создаем иллюзию счастья. Зачастую мы некоторое время чувствуем себя очень хорошо. В грехе и отрицании есть определенное удовольствие. Однако тот путь, который обещает жизнь, в конце концов приводит к смерти: одинокому, порочному, возмущенному существованию, лишенному смысла и любви.

Настоящий грех

Наша цель — сбалансированное понимание своего достоинства как носителей Божьего образа, созданных для обретения радости в отношениях, и нашей порочности как падших

людей в поисках счастья, которое обретается только во взаимоотношениях, способом, который делает это недостижимым.

В первых четырех главах я исследовал некоторые составляющие, характеризующие нас как людей достойных. Мы ориентированы на отношения, руководствуемся чувствами, побуждаемы изнутри и действуем целенаправленно. В этой главе я рассматриваю, что значит быть испорченным.

Скажу, что это — непростая задача. Люди, отстаивающие лишь восстановление радости жизни, зачастую недооценивают серьезность греха. А те, кто думают, что нет ничего более важного, чем соблюдение правил (вы можете узнать их по той радости, которую они находят в порицании греха), обычно превращают грех в банальность, определяя его просто как плохие поступки людей. Для них послушание низведено до ремени в поведении, но настоящая проблема греха остается нераспознанной. Едва различимые, коварные стратегии, с помощью которых каждый из нас пытается отделить себя от скорбей близких взаимоотношений, остаются скрытыми под покровом внешней благопристойности. Ни восторженные приверженцы восстановления, ни самоправедные моралисты не относятся ко греху как должно.

В чем же тогда состоит правильный взгляд на грех? Что это за проблема, которую мы недооцениваем или превращаем в банальность? Что имеет в виду Библия, говоря о том, что «все согрешили» (Рим. 3:23), или «во грехе родила меня мать моя» (Пе. 50:7)? Почему мы позволяем словам, которые в точности описывают порочность как *бунт*, *независимость* и *грех*, слетать с нашего языка, не имея обличительной силы? Что это за проблема, которая в других может выглядеть настолько серьезной, но в нас самих, особенно, если жизнь несправедлива и трудна, — настолько оправданной?

Для правильного решения жизненных проблем требуется, чтобы мы признавали грех как основную причину всякой неспособности любить, всякого разочарования, от которого нет

средства избавиться, любой борьбы, разрушающей нашу пригодность для исполнения благих намерений.

Читая эту главу, помните о том, что в действительности собственный грех очень просто разглядеть. Он кажется настолько естественным. Мы уступаем его натору непринужденно и легко. Даже в самых лучших семьях мы растем с предположением, что Бог недостаточно добр, чтобы Ему можно было полностью довериться в любой ситуации. В конце концов, моя мама молилась о том, чтобы ее отец поправился... а он умер. Свидетельства выглядят достаточно неоспоримыми для любого присяжного, чтобы признать Бога виновным в том, что Он не настолько добр, как о том заявляет.

*Ни восторженные приверженцы
восстановления личности,
ни самоправедные моралисты
не относятся ко греху как должно*

В свете этого предположения кажется вполне благоразумно самому позаботиться о себе. Некоторые из нас впадают в заботу о себе в заботу о других (чтобы защититься от неуверенности в себе и отвержения). Какую бы тактику мы ни избрали, забота о самой главной персоне в нашей жизни исходит из нашей души так же естественно, как вода из родника.

Грех, эта эгоистичная решимость сберечь собственную душу любой ценой, во многом выглядит частью меня точно так же, как легкие являлись частью моего тела.

Если мы хотим понять свою греховность вполне осязаемо, то должны начать с признания простой истины: *нашнее состояние (то есть, греховность) не является внутренне присущим нашей природе*. Бог создал нас ориентированными на

взаимоотношения, направляемыми чувствами, побуждаемыми интуиции и стремляющимися к цели. Он не создал нас эгоистами. Но при содействии змея мы сами навлекли на себя эту проблему.

Но теперь, когда она присутствует, эта проблема выглядит такой же естественной как дыхание. И она выглядит привлекательной, подобно тому, как грязная лужа может привлекать городского ребенка, который никогда не видел моря и думает, что лужа — это лучшее, что можно найти. Конечно же, один взгляд на реальность навсегда изменит его представление. Но без такого взгляда он может плескаться в луже так, как будто в мире нет большего удовольствия.

Мы не должны забывать, что грехопадение было именно падением. Сейчас мы живем жизнью, не достойной человека, и для восстановления нашей человечности мы должны стать менее эгоистичными, а не полюбить себя сильнее. Достоинство восстанавливается только тогда, когда порочность заменяется силой любви.

Но мы напоминаем крыс, снующих в темном канализационном коллекторе. Мы прилагаем все усилия, чтобы украсить свое окружение яркими цветами, чтобы жить комфорнее. И ценой больших усилий нам приходится убеждать себя, что мы созданы прекрасными. Есть что-то в самой падшей природе, что отклоняет приглашение вырваться из канализации (или переехать в дом на побережье), чтобы наслаждаться красотой, созданной кем-то другим. Мы не можем доверять ничему, что не находится под нашим контролем. Мы думаем, что наши творческие силы должны быть направлены на преодоление нашей зависимости от ко-

го-либо другого (включая Бога, поскольку мы считаем, что даже Ему нельзя полностью доверять). Поэтому и ценим только те решения, которые сами придумываем. Смирение — это не наша сильная сторона.

Настоящее обличение

Как я уже сказал, собственный грех разглядеть непросто. Львиная доля того, что мы называем обличением, едва ли больше, чем давление вины для очищения нашей жизни. Но зачастую это вообще не обличение. Истинное обличение ведет к стыдливому осознанию того, что мы не правы и заслуживаем осуждения, а не к более комфортному ощущению, что мы пойманы на месте преступления и боимся суда.

Мы можем определить, что наше осознание греха поверхностно, если оно приносит только раздражающее обязательство поступать лучше. Молва о милости и жажда быть праведным указывают на то, что мы пережили настоящее обличение. Правильный взгляд на грех приводит к осознанию ужаса сильнее, чем ощущение давления или даже вины. Он приближает к пониманию безнадежности наших усилий защитить себя от сил равнодушного мира. Когда мы начинаем смотреть на эти усилия как на что-то, заслуживающее скорее отречения, чем развития, то испытываем ужас. Что-то хватает нас за горло. Мы пытаемся дышать, и в процессе этого осознаем, что нас охватила ярость: «Почему жизнь такая? Почему она такая трудная? Почему Бог не делает больше, чтобы помочь?».

Столкновение с ужасом развивает иллюзию о том, что мы можем преодолеть его при помощи своей стратегии самозащиты. («Если я буду действительно хорошим, то люди будут любить меня, и все будет прекрасно».) Когда иллюзия рассеивается, мы остаемся обнаженными и уязвимыми пред Богом, Которому мы не доверяем. Неотъемлемая сущность греха выражается в недо-

Постигая, Кто Мы Есть

верии кому-либо до тех пор, пока не сможем понять его настолько хорошо, чтобы быть в состоянии предсказать поведение и использовать его. В таком случае можно сказать, что корень всякого греха — это подозрение, что Бог не благ.

Я буду доверять только тому, кто убедит меня, что он добр. И мера доброты, которую я требую — это видимое стремление обеспечивать меня всем, что на мой взгляд мне необходимо для гарантии счастья.

Согласно такому стандарту для того, чтобы назвать Бога благим, требуется не вера, а отрицание. Низкооплачиваемая работа, капризные дети и непредвиденные счета от стоматолога не очень-то способствуют уверенности в доброте Отца нашего небесного.

Но все-таки Он говорит нам о Своей благодати и ожидает, что мы поверим Ему. Похоже, Он считает, что каждый отказ доверить Ему свою жизнь указывает на наш внутренний нравственный недостаток. Для нас же отказ доверять выглядит разумно. Он не сделал достаточно для того, чтобы рассеять ужас жизни. Лучше мы примемся за дело сами.

Когда мы убеждены в грехе на глубочайшем уровне, то испытываем надвигающийся ужас, который ведет нас в одном из двух направлений: либо к активному поиску милостивого Бога, на Которого мы можем положиться, либо к гневному бунту против Него. До тех пор, пока мы не столкнемся с этими двумя альтернативами, мы будем воевать с действительными жизненными вопросами поверхностно.

Для того чтобы понять нравственную болезнь эгоизма и осознать с обличающей силой, что эгоцентризм в большей мере отвечает за нехватку радости, чем стыд или ненависть к себе, необходимо вступить в две фундаментальных битвы:

1. *Битва с непредсказуемостью*, когда мы сталкиваемся с ужасом нашего бытия.

2. *Битва с сомнением*, когда мы допускаем гнев против Бога за то, что Он недостаточно добр.